

Сергей Гандлевский

С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я

На реке Иртыше говорила резня.
На реке Сыр-Дарье говорили о чуде.
Подвозили, кормили, поили меня
Окаянные ожесточённые люди.
Научился я древней науке вранья,
Разучился спросить о погоде без мата.
Мельтешит предо мной одиссея моя
Киолентом шосткинского комбината.
Ничего, ничего, ничего не боюсь,
Разве только ленивых убийц в полумасках.
Отшучусь как-нибудь, как-нибудь отсижусь
С Божьей помощью в придурковатых подпесках.

Я был зверьком на тонкой пуповине.
Смотрел узор морозного стекла.
Так замкнуто дышал посередине
Младенчества медвежьего угла.
Струилось солнце пыльной полоской.
За кругом круг вершила кровь по мне.
Так исподволь накатывал извне
Времён и судеб гомон вавилонский,
Но маятник трудился в тишине.

Мы бегали по отмелям нагими —
Детей косноязычная орда —
Покуда я в испарине ангины
Не вызубрил твой облик навсегда.
Я телом был, я жил единым хлебом,
Когда из тишины за слогом слог
Чудное имя Лесбия извлёк,
Опешившую плоть разбавил небом —
И ангел тень по снегу поволок.

Младенчество! Повремени немного.
Мне десять лет. Душа моя жива.
Я горький сплав лимфоузлов и Бога —
Уже с преобладаньем Божества.

...Утоптанная снежная дорога.
Облупленная школьная скамья.
Как поплавок дрожит и тонет сердце.
Крошится мел. Кусая заусенцы,
Пишу по буквам: "Я уже не я".

Смешливые надёжные друзья —
Отличники, спортсмены, отцепенцы
Печалятся. Бреду по эстажу,
Зеницы отверзаю, обвожу
Ладонью вдруг прозревшее лицо,
Спешу вдоль схем бактерий и трапещий
И выхожу на школьное крыльцо.
Пять диких чувств сливаются в шестое.
Январский воздух — лезвием насквозь.
Держу в руках, чтоб в снег не пролилось,
Грядущей жизни зеркало пустое.

...

Друзьям-поэтам

Подступал весенний вечер.
Ветер хлюпал, как причал.
С ближней станции диспетчер
В рупор грубое кричал.
В лужах жёлтые ботинки
Пачкал модный пешеход.
В чистом небе, как чайники,
Вился птичий хоровод.

В этот славный вечер длинный —
Праздник неба и земли —
Вдоль по улице старинной
Трое странные прошли.
Первый двигался улиткой,
Исом долог, ростом мал,
Злобной заячьей улыбкой
Небо кроткое пугал.

Рядом с первым неуклюже
Нечто женское брело,

Под плеск невнятицы беспечной
В недостопамятные дни
Я ощутил толчок сердечный,
Толчку подземному сродни.
Потом я сделался поэтом,
Проточным голосом — потом,
Сойдясь московским ранним летом
С бесцельным беличьим трудом.

Искусство женщину смешит.
В музее женщина встречает
Портрет свой. Головой качает,
Не узнаёт — и прочь спешит.
Пути, в обиду не ударюсь.
Я не смущён смешком твоим.
Есть только мой бумажный парус,
Живой дыханием моим.

Возьмите всё, но мне оставьте
Спокойный ум, свободный дон,
Фонарный контур на асфальте,
Да сияй контур под окном.
В конце концов, не для того ли
Мы знаем творческую власть,
Чтобы хлебнуть добра и боли —
Отгоревать и не проклясть!

...

Мы знаем приближение грозы,
Биллиардного раскатыстого треска —
Позвякивают вёдра и таши,
Кликушествует злая занавеска.
В такую ночь в гостинице меня
Оставил сон и вынудил к беседе

С самим собой. Педалями звеня,
Горбун проехал на велосипеде
В окне моём. Я не зажёл огня.
Блажен, кто спит. Я встал к окну спиной.
Блажен, кто спит в разгневанном яле.
Я в сумерки вгляделся, предо мной
Сиделкою душа спала на стуле.
Давно ль, скажи, ты девочкой была?
Давно ль провинциалкой босоногой
Ступни впервые резала осокой,
И плакала, и пела? Но сдала
И сидя спишь в гостинице убогой.
Морщинки. Рта порочные углы.
Тяжёлый сон. Виски в капели пота.
И страшно стало мне в коробке иглы:
Ужели это всё моя работа?
С тех пор боюсь — раскаты вдалеке
Подымут за полночь настойчиво и сухо.
На стуле спит усталая старуха
С назойливой мухой на щеке.
Я закричу, умру — горбун в окне,
Испуганная занавесь ворвётся.
Душа вздрогнёт, медлительно очнётся,
Забудет всё, отдаст усталость мне
И девочкой к кому-нибудь вернётся.

...

Когда волнуется желтеющее пиво,
Волнение его передаётся мне.
Но шумом лебеды, полыни и крапивы
Слух полон изнутри, и мысли в западне.
Вот белое окно, кровать и стул Ван-Гог.
Открытая тетрадь: слова, слова, слова.
Причин для торжества сравнительно немного.
Категоричен быт и прост, как дважды два.

О, искустель змей, аптечная гадюка,
Отвeтъ, пожалуйста, задачу разреши.
Зачем доверил я обманчивому звуку
Силлабику ума и тонику души?
Мне б лётчиком летать и китобоем плавать,
А я по грудь в беде, обиде, лебеде,
Знай камешки мечу в загадочную заводь,
Веду подсчёт кругам на глянцевой воде.

Того гляди огребут, оденут в мешковину,
Обреют наголо, палач распавит плeтъ.
Уже не я — другой взойдёт на седловину
Айлара, чтобo вниз до одури смотреть.
Храни меня, Господь, в копеечной квартире,
Пока не пробил час примерно наказать.
Наперсница-душа, мы лишнего хвятили.
Я снова позабыл, что я хотел сказать.

...

Будет всё. Охлаждённая долгим трудом
Устареет доседа на бестолочь жизни,
Прожитой впопыхах и взехлёб. Будет дом
Под сосновым холмом на Оке или Хиздре.
Будет клин журавлиный на юг остриём,
Толчея снегопада в движении Броуна,
И окрестная прелесть в сознании моём
Накануне разлуки предстанет утроена.
Будет майская полночь. Осока и плёс.
Ненароком задетая ветка остудит
Лоб жасмином. Забудется вкус чёрных слёз.
Будет всё. О д н о г о у т е ш е н и я не будет.
Справдeнья. Наступит минута, когда
Возникает вопрос, что до времени дремлет:

Пробил час уходить насовсем, но куда? —
Иностранная музыка волосы треплет.
А вешедшая в обыкновение ложь
Ремесла потягается разве что с астной
Духотой. Тогда ты без стука войдѣшь
В пятистенки ночлега последнего. "Здравствуй.
Узнаю тебя. Лѣгкая воля твоя
Уводила меня, словно длань кукловода,
Из пределов сумятицы здешней в края
Тишины. Но сегодня пора на свободу.
Я любил тебя. Лѣгкою волей твоей
На тетрадных листах, озарѣнных неярко,
Тарабарщина варварской жизни моей
Обрела простоту регулярного парка.
Под отрывистым лирическим лоснится скамья.
В мокрой зелени тополя тенькают птицы.
Что ж ты плачешь, весѣлая муза моя,
Длинноногая девочка в грубой рубахе!
Не сжимай моё сердце в горсти и прости
За оскомины долгу дружбы короткой.
Держит раковина океан взаперти,
Но пространству тесна черепная коробка!

...

Матери

Далеко от солѣных степей саранчи
В глухомани, где водятся серые волки,
Вероятно помине стоят Бескачи —
Есть разрозненных изб огородами к Волге.

Лето выдалось скверным на редкость. Дожди
Зарядили. Баркасы на привязи мокли.
Для чего эта малость видна посреди
Прочей памяти, словно сквозь стѣкла бинокля?

Десять лет погода я подался в бичи,
Карнавельную накипь оседлых сословий,
И трудился в солёных степях саранчи
У законного финиша волжских верховий.

Для чего мне на грубую память пришло
Насторельное детство в голубенькой майке?
Сколько, Господи, разной воды утекло
С изначальной поры коммунальной Можайки!

Значит мы умираем и делу конец.
Просто Волга впадает в Каспийское море.
Всевозможные люди стоят у реки.
Это Волга впадает в Каспийское море.

Всё, что с нами случилось, случится опять.
Среди ночи глаза наудачу зажмурю -
Мне исполнится год, и тебе - двадцать пять.
Фейерверк сизарей растворится в лазури.

Я найду тебя в комнате, зыбкой сквозь слёз,
Где стоял КВН, недоносок прогресса,
Где лупила глаза из-под ливня волос
С репродукции старой святая Инесса.

Я застену тебя за каким-то шитьём.
Под косящим лучом засверкает иголка.
Помнишь, нам довелось прозябать вчетвером
В деревушке с названием татарского толка?

КВН-овой линзы волшебный кристалл
Синевой нальётся. Покажется Волга.
"Ты и впрямь не устала? И я не устал.
Ну, пошли понемногу, отсюда недолго".

А вот и снег. Есть русские слова
 С оскоминой младенческой глюкозы.
 Снег валит, тяжелеет голова,
 Хоть сырость разводи, но эти слёзы
 Иных времён, где в занавеси дрожь,
 Бьёт соловей, заря плывёт по лужам,
 Будильник изнемог — и ты встаёшь,
 Зелёным взрывом тополя разбужен.
 Я жил в одной стране. Там тишина
 Равно проста в овраге, церкви, поле.
 И мне явилась истина одна:
 Труднее не боль, однообразие боли.
 Я жил в деревне месяц с небольшим.
 Прорези стен летал клоками пакли.
 Бслух говорил. Слегка переборщил
 С риторикой, как в правильном спектакле.

Двустволка опереточной длины,
 Часы, кровать, единственная створка
 Тримо, в которой чуть искажены
 Кровать с шарами, ходики, двустволка.
 Законы жанра — поприще моё.
 Меня и в жар бросало и знобило,
 Но драмы алополучное ружьё
 Висеть висит, но выстрелить забыло.
 Мне ждать не внове. Есть здесь кто живой?
 Побудь со мной, поговори со мной.
 Сегодня день светлее, чем вчерашний.
 Белым бела вельветовая пашня.
 Покурим, незнакомый человек.
 Сегодня утром из дому я вышел,
 Увидел снег, опешил и улыбал
 Хорошие слова — а вот и снег.

Это праздник. Розы в ванной.
Шумно, дымно, негде сесть.
Громогласный, долгожданный,
Драгоценный. Ровно шесть.
Вечер. Лето. Гости в сборе.
Золотая молодёжь
Пьёт и курит в коридоре.
Смех, приветствия, галдёж.

Только-только из-за школьной
Парти, вроде бы вчера,
Осунулся я в застольный
Гам с утра и до утра.
Пела долгая пластинка.
Балагурил балагур.
Сетунь, Тушино, Стромынка —
Хорошо, но чересчур.

Здесь, благодаренье Богу,
Я полжизни отрубил.
Женщина сидит немного
Справа. Я её любил.
Дело прошлое. Прогнозам
Верил я в иные дни.
Птицам, бабочкам, стрекозам
Эта музыка сродни.

Если напрочь не опиться
Водкой, шумом, табаком,
Слушать музыку и птицу
Можно выйти на балкон.
Ночь моя! Вишнёвым светом
Телефонный автомат
Озарил сирень. Об этом
Лишь старые шумят.

Табакон пропахли розы,
Их из Грузии везли.
Обещали в полдень грозы,
Грозы за полночь пришли.
Ливень бьёт напропалую,
Дальше катится стрелглаз.
Вымостили мостовую
Зеркалами без оправ.

И светает. Воздух зябко
Тронул занавесъ. Ушла
Эта женщина. Хозяйка
Убирает со стола.
Спит тихоня, спит проказник.
Спать! С утра очередной
Праздник. Всё на свете праздник —
Красный, чёрный, голубой.

...

Ещё далёко мне до патриарха,
Ещё не время, заявляясь в гости,
Пугать подростков выморочным басом:
"Давно ль я на руках тебя носил!"
Но в целом траектория движения,
Бегущего начало у дверей
Роддома имени Граузэрмана,
Сквозь анфиладу прочих помещений,
Которые впотьмах я проходил,
Нашаривая тайный выключатель,
Чтоб светом озарить своё хозяйство,
Становится ясно.

Вот моё детство
Размахивает музыкальной папкой,

В пинг-понг играет отрочество, вность
Витийствует, в молодость моя,
Любимая, как детство, потеряла
Счёт лёгким километрам дивных странствий.
Вот годы, прожитые в четырёх
Стенах московского алкоголизма.
Сидели, пили, пели хоровую —
Река, разлука, мать-сыра земля.
Но ты зеваешь: "Мол, у этой песни
Припев какой-то скучный..." — Почему?
Совсем не скучный, он традиционный.
Вдоль вереницы зданий станционных,
С дурашливым щенком на поводке,
Под зонтиком, в пальто демисезонных
Мы вышли наконец к Москва-реке.
Вот здесь и поживём. Совсем пустая
Профессорская дача в шесть окон.
Крапивница, капризно приседая,
Пропархивает наискось балкон.
А завтра из ведра воле колодца
Уже оцепенелая вода
Обрушится к ногам и обернётся
Цилиндром изумительного льда.
А послезавтра изгородь, дрова,
Террасу застрихует дождик частый.
Под старым рукомойником трава
Залепана зубной пастой.
Нет-нет, да и проглянет синева,
И песня не кончается.

В припеве
Мы движемся к суровой переправе.
Смеркается. Сквозит, как на плацу.
Взмывают чайки с оголённой оуши.

Живая речь уходит в хрипотцу
Грамзаписи. Щенок развесил уши -
His master's voice,

Беда не велика.

Поговорим, покурим, выпьем чаю.

Пора ложиться. Мне наверняка

Опять приснится хмурая, большая

Наверное, великая река.